

Как сейчас.

Надежда, за которую они продолжали цепляться, прекрасно понимая её ложность, походила на рыбу, вытащенную из реки и брошенную в грязь: солнце высушило чешую, и она едва дышала.

— Шушу... моя Шушу... моя дочь... — мать Ма окончательно сломалась, закрыла лицо обеими руками. Слёзы без остановки текли сквозь пальцы и падали на ярко-красное пальто, оставляя на ткани тёмно-алые пятна.

Гости за соседними столами удивлённо смотрели на эту сцену, не понимая, отчего она вдруг так разрыдалась. Даже если мать растрогалась из-за свадьбы дочери, до такого состояния обычно не доходят.

— Всё хорошо, всё хорошо. Просто эмоции нахлынули... — Мяо Юэ объяснила любопытствующим взглядам.

Линь Ханьчжи сказал:

— Лучше поговорим в другом месте. Здесь действительно неудобно.

Молодожёны первым делом обходили главный стол, поэтому даже если несколько человек ненадолго покинут его, ничего страшного не произойдёт.

Ци Гу и Линь Ханьчжи увели пожилых супругов Ма из зала в пустую отдельную комнату по соседству.

Отец Ма обнимал безостановочно всхлипывающую жену; его собственное лицо тоже было мокрым от старческих слёз.

— Мастер Ци, это правда не наша Шушу? Но ведь некоторые привычки у неё точно такие же...

На самом деле, когда Ма Шу впервые вернулась домой, родители уже заметили несколько отличий от прежней дочери. Например, она едва не надела домашние тапочки матери. Или, вернувшись, первым делом не протёрла колёса чемодана, а прямо потащила покрытые грязью колёсики по чистому плиточному полу.

Прежняя Ма Шу с лёгкой манией чистоты никогда бы так не сделала.

Сначала родители решили, что дочь просто пережила что-то неприятное или столкнулась с какой-то проблемой и поэтому сейчас ко всему относится рассеянно. Но вскоре они поняли: их дочь изменилась буквально во всём.

Если бы лицо не оставалось абсолютно тем же, они бы всерьёз заподозрили, что кто-то подменил их ребёнка.

И всякий раз, когда подозрение достигало предела, Ма Шу как по команде демонстрировала одну из привычек, знакомых им с её детства, будто нарочно сообщая: «Я всё ещё Ма Шу. Я всё ещё ваша дочь».

Бай Юй была похожа на жестокого хозяина: когда питомец почти умирал от голода, она бросала ему немного еды — ровно столько, чтобы тот не умер; когда он снова оказывался при смерти, кормила опять.

Каждый раз, когда родители Ма уже собирались обратиться в полицию, этой малой порции «корма» хватало, чтобы они снова отступили.

А со временем они даже начали сомневаться в собственной памяти. Может, это они что-то запомнили неправильно? Или ребёнок просто вырос — люди ведь меняются. С тех пор как Ма Шу поступила в университет, родители и так видели её в основном только на зимних и летних каникулах... Может быть, она просто изменила старые привычки?

Мать Ма вытерла слёзы с лица, но тут же потекли новые.

— Когда я смотрю на неё, иногда мне кажется, что это и правда моя Шушу. А иногда она пугающе чужая. Бывает, смотрит на меня точно как раньше... а бывает — совершенно незнакомыми глазами, будто перед ней не человек, а мёртвый предмет.

Ци Гу протянул им бумажные салфетки со стола.

Линь Ханьчжи первым заговорил:

— Сначала успокойтесь. Когда сможете спокойно слушать, мы расскажем, в каком именно состоянии находится Ма Шу.

Мать Ма замерла. В глазах медленно появился свет.

— В-вы хотите сказать, что Шушу ещё жива? Правда?!

Отец Ма тоже ошеломлённо поднял голову, снова и снова растирая ладони:

— Правда?

Ци Гу шагнул вперёд:

— По дороге сюда я узнал о ситуации Ма Шу, попросил у её соседки по комнате восемь знаков рождения и сделал гадание. Гексаграмма показывает, что она находится между жизнью и смертью, а душа отделена от тела.

А увидев родителей Ма, он разглядел нити, связанные с «Ма Шу»: и чёрные, и красные. Чёрные обозначали кармическую вражду между Бай Юй и супругами Ма; красные — кровное родство Ма Шу с родителями.

Поэтому Ци Гу предположил, что душа Ма Шу ещё не рассеялась и всё ещё находится в собственном теле, просто не способна им управлять. А те знакомые привычки, которые иногда замечали родители, появились потому, что Бай Юй намеренно время от времени отпускала контроль, позволяя Ма Шу ненадолго распоряжаться телом и создавая у родителей ложную надежду.

Выслушав объяснение, супруги Ма были вне себя от радости. Но очень скоро мать Ма снова растерялась:

— Н-но если Бай Юй действительно настолько безумна, зачем ей было сохранять моей дочери жизнь? У неё ещё какой-то замысел против нас?

Ци Гу опустил глаза. Через мгновение ответил:

— Ей нравится смотреть на чужую боль. И создавать её.

У Бай Юй было сколько угодно способов уничтожить чужую душу. Но это было бы слишком скучно. Поэтому она оставила душу Ма Шу, не позволяя ей контролировать своё тело, заставляя смотреть, как это тело быстро влюбляется в незнакомца и вступает с ним в брак, а родители мучаются из-за перемен дочери и живут в постоянном страхе.

И в то же время боль, метания и бесконечные сомнения супругов Ма приносили Бай Юй удовольствие.

Одним ничтожным движением она получила сразу несколько порций чужого страдания, которыми можно было наслаждаться. Прекрасная изысканная закуска перед главным блюдом — Фан Юаньваном.

От слов Ци Гу лица родителей Ма стали совершенно белыми. Мать Ма разволновалась так сильно, что почти потеряла способность говорить. Отец снова и снова гладил её по спине, помогая отдышаться. Наконец она с трудом нашла голос и, дрожа, сказала:

— Шушу рассказывала мне, что в университете четыре года тайно любила одного парня. Перед поездкой домой сказала, что собирается полететь в его город и признаться. А потом вернулась совсем другой... Я думала, ей отказали и она тяжело это пережила. Теперь выходит, что

настоящая Шушу вообще не попала на тот самолёт.

Не просто не смогла признаться. Она ещё и лишилась власти над собственным телом, вынужденная беспомощно смотреть, как оно «влюбляется» в другого человека.

Неудивительно... Бай Юй не стала убивать её. Для Бай Юй Ма Шу была слишком удачной игрушкой.

При этой мысли лицо Ци Гу стало ещё холоднее.

*

На исходе жаркого лета цикады трещали без остановки. Ма Шу собиралась получить посадочный талон и вылететь в город, где жил понравившийся ей парень, чтобы наконец поставить точку в своей четырёхлетней безответной любви.

Четыре года она копила смелость. Как бы ни закончился разговор, сожалеть о том, что даже не попыталась, она не хотела.

На повороте Ма Шу случайно столкнулась с человеком. Она поспешно извинилась, но в ответ даже не услышала «ничего страшного»: человек лишь опустил голову и продолжил идти.

Вскоре Ма Шу обнаружила, что пропали и удостоверение личности, и авиабилет.

Затем ей сообщили, будто она уже прошла посадку и переоформить билет невозможно. Ма Шу решила, что произошла ошибка в системе авиакомпании. Она была очень мягким человеком, можно сказать — слишком уступчивым, и проявляла живость в основном лишь перед близкими. Поэтому спорить с сотрудниками не стала и решила купить билет на следующий день, чтобы всё-таки долететь куда собиралась.

Но вечером, войдя в номер отеля, она почувствовала сильный запах жасмина у кровати, а потом увидела на экране телевизора искажённую человеческую тень.

Её мгновенно накрыло головокружение. Мир перевернулся, ощущения стали настолько острыми, что сознание не выдержало, и Ма Шу отключилась.

Когда она очнулась снова, то была уже не в отеле, а в городе, куда так и не смогла вылететь.

Рядом с ней даже стоял другой мужчина и улыбался.

Ма Шу ужаснулась этой невозможной картине и инстинктивно захотела сбежать, понять, что

происходит, — но обнаружила, что совершенно не способна управлять телом. Душа кричала, требуя бежать, а тело неподвижно стояло на месте.

Стоявший напротив мягкий красавец в очках, с интеллигентным видом, сказал ей:

— Вчера вы забыли куртку в самолёте.

У Ма Шу раскалывалась голова, тело казалось онемевшим и чужим...

Самолёт? Но она вообще не садилась на самолёт!

Тогда кто летел вместо неё? Вчера она совершенно точно ночевала в отеле.

Но она слышала, как её собственный голос смеётся:

— Да, моя. Спасибо вам, учитель Фан. Можно я угощу вас ужином в благодарность?

Так начался настоящий кошмар Ма Шу.

Ей понадобилось много времени, чтобы понять: кто-то отнял её тело и запер внутри собственную душу.

Этим человеком была Бай Юй — та самая женщина, с которой Ма Шу столкнулась в аэропорту.

Бай Юй в спешке украла её билет, приняла её внешность, села на самолёт и познакомилась с Фан Юаньваном. Одновременно она заранее оставила ловушку рядом с настоящей Ма Шу и затем захватила её тело в отеле, чтобы та уже никак не смогла разоблачить подмену.

В тумане воспоминаний Ма Шу вспомнила, что прямо перед потерей сознания в гостинице будто слышала смеющийся голос Бай Юй — от этого смеха по коже пробежал холод.

— Ах, да тут ещё и неожиданный подарок... Тогда пока не стану рассеивать твою душу.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949238>